

Секция I. Общетеоретические вопросы изучения русского языка

Границы языка и границы культуры

А. К. Авеличев (Alexandre Avelitchev)

Высшая школа международных переводчиков, Монс (Бельгия)

В конце 80-х годов московское издательство «Прогресс» и парижское «Rayon» опубликовали подготовленный ими совместно «Словарь гласности». Речь шла об опыте сопоставления параллельных определений многих основных терминов социально-политической теории, употреблявшихся в ту пору французскими и советскими обществоведами. Несовпадения в содержании одних и тех же, казалось бы, вполне интернациональных терминов были поразительны. Отнюдь не лингвистические, а прежде всего идеологические, социальные, историко-культурные расхождения лишней раз напомнили о том, как часто коммуникация осуществляется без уверенности в том, что собеседники имеют в виду одно и то же и, что, в действительности, они понимают друг друга.

Важнейшей проблемой, традиционно возникающей при подготовке зарубежных студентов-русистов, становится выявление, понимание и освоение ими серьезного *мыслительного зазора*, существующего между миром их родного языка и сторонней для них российской ментальностью. В жестких рамках университетского расписания необходимо попытаться дать студентам определенные навыки самостоятельной навигации по русскому языку, по его надводным и подводным, спрятанным в глубинах российской интертекстуальности смыслам. Задача, как всем известно, непростая.

Проблема отражения в языке *национального духа* каждого народа известна со времен В. фон Гумбольдта, и в теоретическом плане она многократно обогащена последующими открытиями представителей различных школ в лингвистике и в сопредельных дисциплинах. В дидактическом плане, мы все еще далеки от сколь-нибудь удовлетворительного решения. Глобализация многих видов человеческой деятельности и, как следствие, языка традиционных СМИ, развитие мировой Паутины слегка начинают приближать к наднациональному стандарту лексические средства выражения, не затрагивая (до поры до времени) сути национальной самобытности в ее лингвистических и металингвистических измерениях.

Практика подготовки переводчиков для международных организаций, традиционно стоящая на фундаменте жесткого языкового протокола, нуждается в четких и однозначных

ориентирах. Здесь, как нигде более, сохраняет свою актуальность извечный вопрос: что является *достаточным* и *необходимым* при изучении чужого языка будущим переводчиком? Каков объем, каковы контуры и каково конкретное содержание того культурного, трансверсального фонового знания, без которого невозможно стать профессиональным письменным и устным переводчиком?

В 1989 г. в докладе, составленном Пьером Бурдые и Франсуа Гро по заказу французского правительства, осуществлялась попытка нащупать и определить характер и природу трансверсальности, существующей между языками. Авторы доклада вводили основополагающее для преподавания языков дидактическое понятие *«l'accès à l'altérité»: доступа к инаковости*.

«Иностранный язык, отмечалось в докладе, – представляет собой уникальный способ приобщения к инаковости, т. е., к пространству иной культуры».

Авторы доклада рассматривали *инаковость* в качестве отдельного предмета преподавания в процессе изучения иностранных языков. Они призывали обучающихся и обучающихся к тому, чтобы «научиться осмысливать различия».

Многие годы спустя и в совершенно иной прагматической перспективе: облегчить изучение языков, не принося в жертву их культурную специфику, Совет Европы предложил несколько интересных ориентиров, касающихся введения в преподавание значительного объема экстралингвистических знаний, считающихся необходимыми для понимания чужой культуры.

Доступ к миру русского языка и мышления, находящемуся за пределами западноевропейского *«Шенгенского культурного пространства»*, может быть облегчен благодаря рассмотрению ряда его *цивилизационных особенностей*.

В предлагаемом выступлении содержатся некоторые размышления и обобщения приемов и методов подготовки устных и письменных переводчиков русского языка, используемых автором в Ecole d'Interprètes Internationaux (Université Mons-Hainaut, Mons, Belgique) и обсуждавшихся им на методологических семинарах на филологическом факультете Брюссельского Свободного Университета (ULB) в 2004–2005 уч. гг.

Когнитивная семиология: ее истоки и становление в русистике

Н. Ф. Алефиренко

Белгородский государственный университет

Когнитивные структуры, семиология, дискурсивный смысл, знания.

Summary. The search for methodological foundations of the cognitive-semiological paradigm studies grounded on the fundamentals of the cognitive science oriented on the studies of linguistic system's logical ties and relations with the space of discourse. It's subject-matter, goals and categories are being defined.

Двупланный модус существования языка / речи предполагает рассмотрение *семиологии* в качестве основного принципа когнитивно-дискурсивной парадигмы современной русистики (Э. Бенвенист и И. А. Бодуэн де Куртенэ). Семиологическое измерение языкового знака представляет собой фиксацию в дискурсивном пространстве разных этапов отношения знака к когнитивным структурам. В отечественной русистике основополагающие постулаты семиологического принципа противостоящие генеративному, структурному и традиционно-описательному впервые были сформулированы Ю. С. Степановым и А. А. Уфимцевой. В наше время разработка семиологического подхода была продолжена за рубежом в трудах А.-Ж. Греймаса. Согласно Р. Барту и А.-Ж. Греймасу семиология не должна вытеснять ни одной исследовательской дисциплины, напротив, помогать им

всем, служила своего рода джокером современного знания, подобно тому, как сам знак является джокером всякого курса. Если следовать такому пониманию, то семиология окажется некой *семиотропией*, где знак воспринимается как «вспышка воображаемого». Именно поэтому семиология *не есть герменевтика*. Такой подход оказывается весьма плодотворным при исследовании не прямых значений языковых знаков в дискурсе и семиотропичном тексте, создаваемых воображением. Это повествования, образы, портреты, разного рода экспрессивные образования, идиолекты, структуры, обладающие видимостью правдоподобия и в то же время недостоверностью истины. Подобного рода рассуждения звучат для нас несколько витиевато, однако в них содержится глубокий смысл, позволяющий выделить **предмет** когнитивной семиологии в безграничном Семиоти-

ческом Космосе, оставив за его рамками интересы герменевтики, общей семиотики и традиционной семантики.

Семиология изучает знаки комплексно: с точки зрения их (а) **синтактики** – сочетаемости знаков между собой по своим собственным законам, (б) **семантики** – их способности выражать этнокультурно маркированное значение и смысл, (в) **прагматики** – лингвокультурологического интерпретатора. Семиологии, таким образом, органически совмещает в себе важнейшие параметры: стабильность и динамизм. При этом, не отрицая стабильности языковой системы (утратив стабильность, система распадается), декларируется ее *динамический* характер. Единство противоположностей достигается, если перефразировать Ю. С. Степанова, с помощью «челночной процедуры» абстрагирования от дискурса к семантике, а от семантики снова к дискурсу и обратно. Особенно методологически ценным этот подход может оказаться в рамках теории синергетики языка, сознания и культуры, поскольку он отражает идею непрерывности категориального континуума, что выражается в плавном и непрерывном переходе от одной категории к другой. Однако в наше время, когда идеи генеративной и структурной лингвистики подвергаются переосмыслению с позиций интеграционного подхода к явлениям речемыслительной деятельности, возникает необходимость обратиться к семиотическим истокам семиологии, чтобы отделить зерна от плевел: семиологический креатив от структурального догматизма. Этой цели подчиняется изучение **синергетического** взаимодействия когнитивной семиологии с семантикой (ре-

чевой трансформации значений в смыслы), семиотикой (разграничение знаков языка и знаков речи), когнитологией (дискурсивной интерпретацией взаимосвязей речевых знаков и когнитивных структур разных форматов) и лингвопрагматикой (коннотацией речевых актов). Синергетический подход определяет принципы когнитивно-семиологического исследования слова.

1. Собственно семиологический принцип фокусирует внимание на взаимодействии двух типов языкового семиозиса: двукратной репрезентации знаний языковыми единицами (двукратной референции языковых единиц): первичной (семиологической) и вторичной (семантической) объективации. Первичная объективация служит исходной точкой семиозиса, а вторичная – конечным этапом знакообразования.

2. Функциональная взаимосвязь системы языка и системы мышления представляет собой отношение между системой «означаемых» и системой «означающих». Такого рода взаимосвязь не может быть сведена не только к взаимно однозначному соответствию цельных единиц смысла и текста (в силу принципа асимметрии знака), но и к статичному соответствию компонентов единиц того и другого плана.

3. В гносеологическом плане первичное и вторичное означивание можно рассматривать как старый (имеющийся) и новый (приобретенный) опыт. При этом элементарными речемыслительными функциями языка, по Ю. С. Степанову, выступают *номинация, предикация и локация* на фоне введения понятия «виртуальных» и «актуальных» семиотических структур.

Русский язык на постсоветском пространстве (1991–2006 гг.)

В. М. Алпатов

Институт востоковедения РАН, Москва / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

События 1991 г. резко изменили языковую ситуацию на территории бывшего СССР. Процессы языкового развития, ранее имевшие в СССР сходные черты, стали идти совершенно по-разному в тех или иных новых независимых государствах, в том числе разной стала роль русского языка.

В России в целом эта роль существенно не изменилась по сравнению с СССР. Русский язык остается единственным общероссийским государственным языком и основным языком межнационального общения. Ни один другой язык не может претендовать на эти роли. В других государствах так или иначе позиции русского языка ослабевают за счет так называемых титульных языков. Однако эти процессы проходят по-разному, что зависит, прежде всего, от таких факторов, как преобладающее мнение титульной нации, ее политическая и культурная ориентация, степень развития титульного языка. Гораздо меньшее значение имеет численность и позиция русскоязычного населения. Можно выделить не менее шести видов языковой политики в данных государствах, определяющих языковую ситуацию (о некоторых государствах мы не имеем достаточной информации).

1. Прибалтийский вариант (близка ситуация в Западной Украине). Языковая политика направлена на ограничение роли русского языка сферой коммуникации внутри русской (в широком смысле) общины. Реально, однако, он продолжает использоваться и в сфере межнационального общения, но по мере смены поколений знание русского языка титульной нацией все более сокращается.

2. Украинский вариант (исключая ее западную часть). Русский язык среди взрослых продолжает преобладать в неофициальных культурных сферах (чтение литературы и пр.), в межнациональном общении, а в значительной степени (прежде всего, в городах) и в бытовой сфере. В то же

время он вытесняется из всех официальных сфер (в восточных и южных областях этот процесс наталкивается на сопротивление не только русского, но и украинского населения) и, что особенно важно, из школьного образования. В отличие от Прибалтики и Западной Украины, не ставится задача немедленного отказа от русского языка и для неофициального общения признается двуязычие, но через школьное обучение русский язык в младшем поколении все более превращается в бытовой язык, на котором пока говорят, но не читают и не пишут.

3. Армянский вариант (по-видимому, характерный для всего Закавказья). В бытовой и официальной сферах господствует титульный язык, но пока широко распространено двуязычие, в культурных сферах и в межнациональном общении роль русского языка остается важной.

4. Узбекский вариант. Близок предыдущему, но знание русского языка и распространение двуязычия заметно ниже. Видно резкое различие языковой ситуации между крупными городами и остальной территорией. В большом городе в неофициальном общении русский язык преобладает, в малых городах и в селах он почти исчез.

5. Казахско-киргизский вариант. Русский язык широко используется не только русскими, но и титульной нацией, и официально закреплен как язык межнационального общения. Языковая политика основана на распространении двуязычия и закреплении титульного языка в официальных сферах, хотя русское население во многом остается одноязычным.

6. Белорусский вариант. Формально имеются два государственных языка, но во всех сферах, включая официальные, русский язык преобладает. Титульный язык вне бытового общения играет более всего символическую роль.

Речевая модель в аспекте теории отражения

Р. К. Боженкова

Курский государственный технический университет

Речевая модель, культурный смысл, лингвокультурное значение, форма отражения, текстовый и внетекстовый уровни

Summary. The report deals with structural and functional peculiarities of speech model in the reflection theory; the components of this model and the aspects of the process are developed.

Если рассматривать язык как компонент сознания мыслящих и общающихся людей, то появляется возможность

осмыслить не только содержание речевой модели, но и ее отражательную форму.